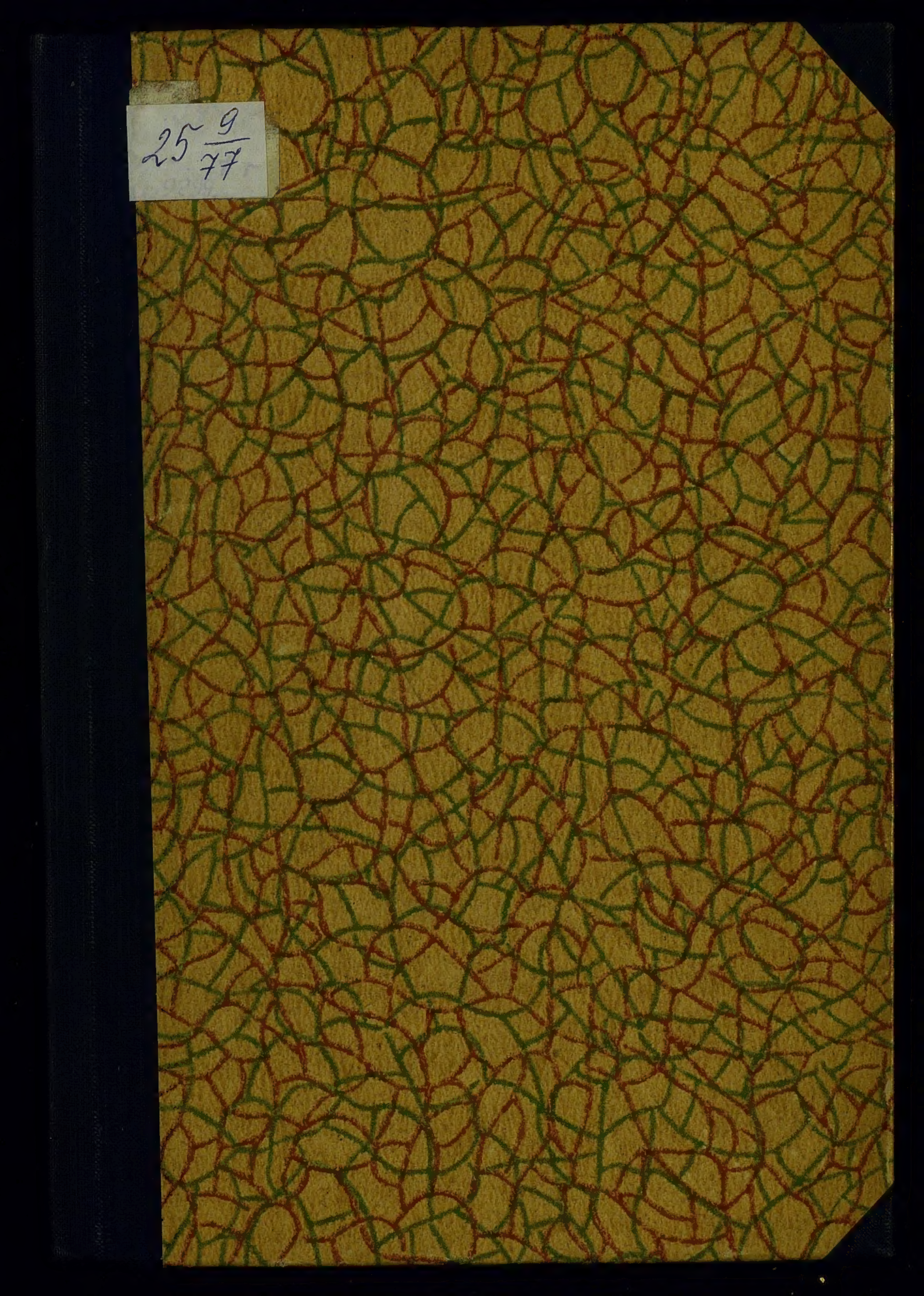
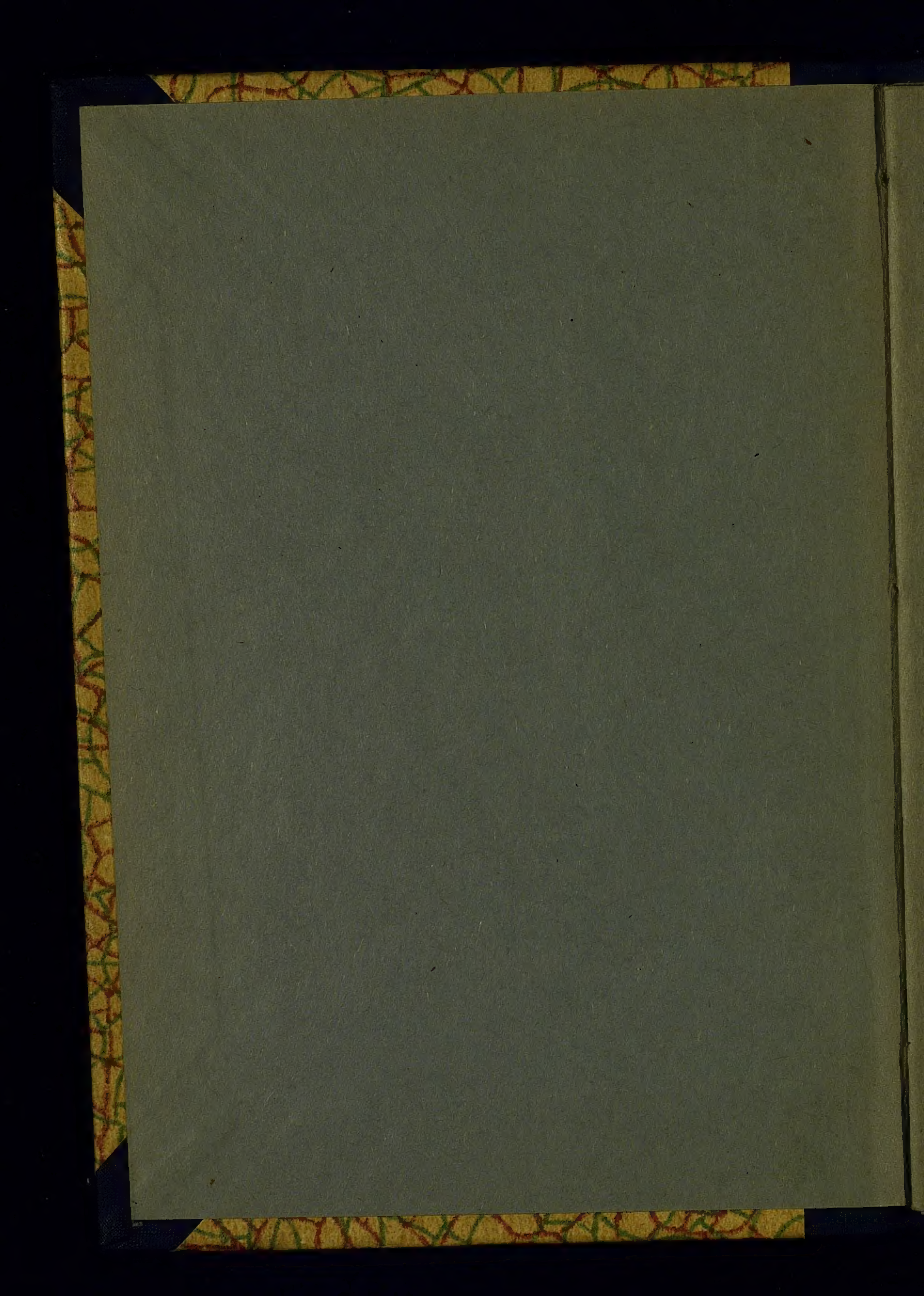
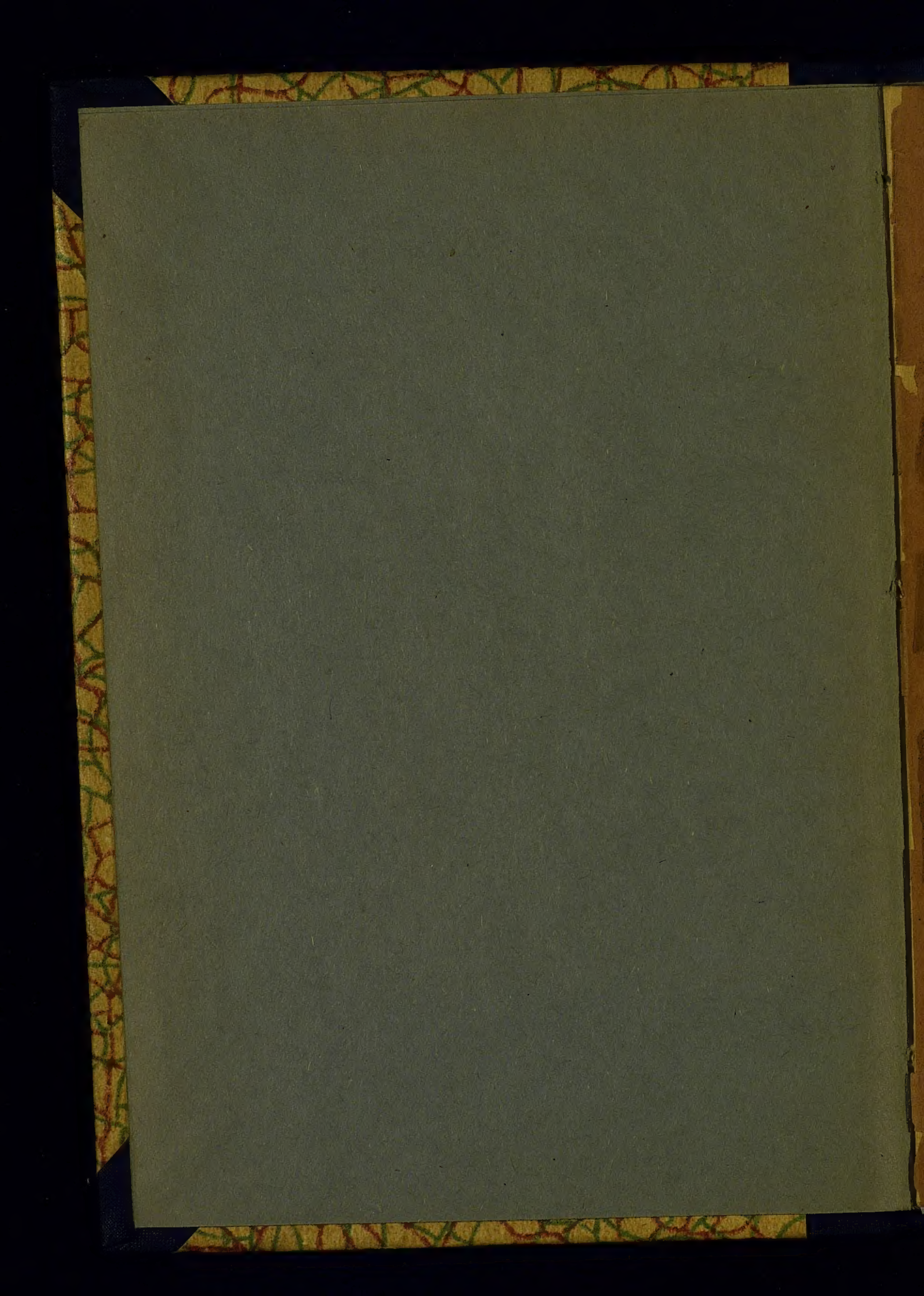

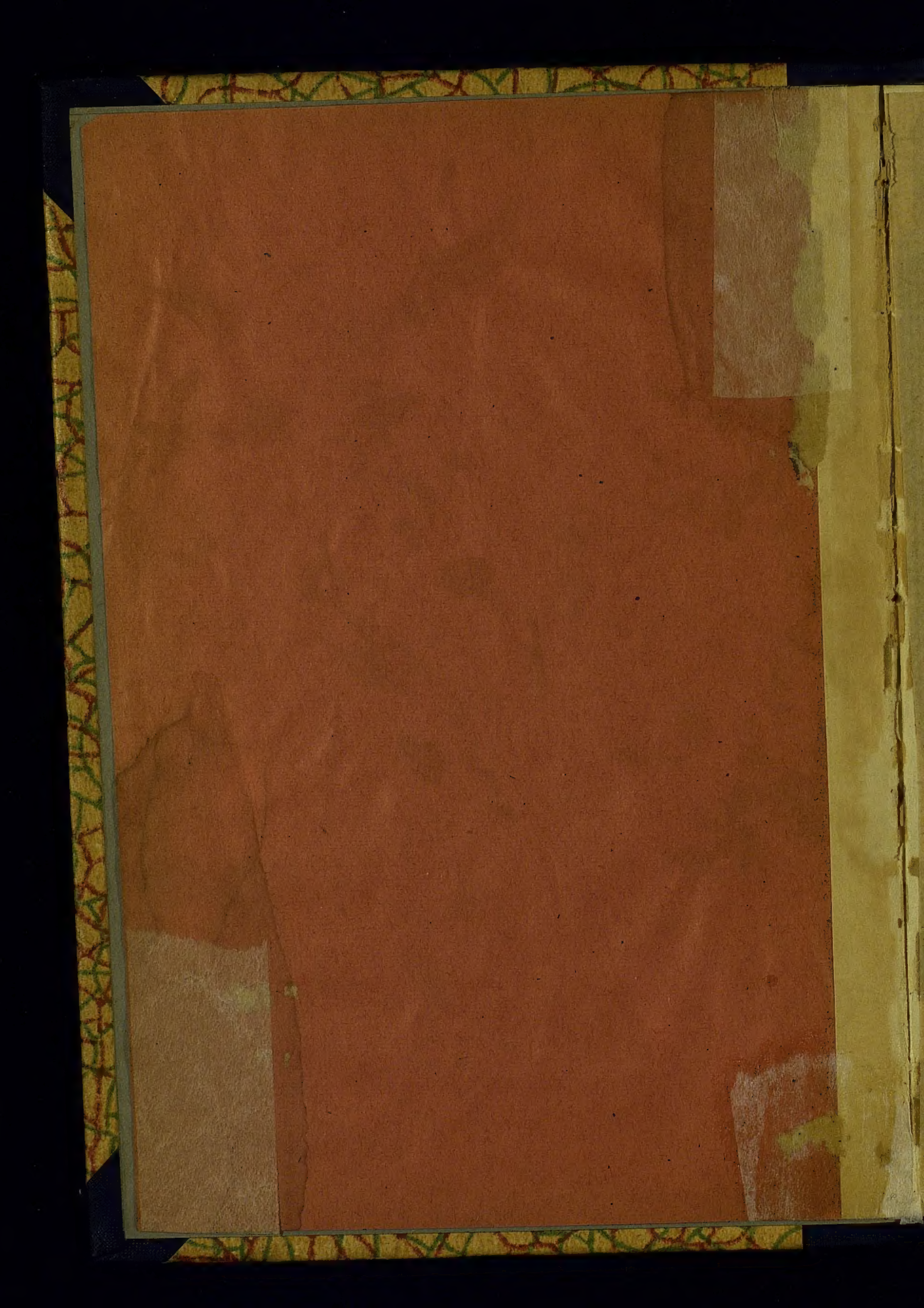

ВЕЛИКОСЕРБСКАЯ ИДЕЯ

как

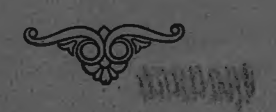
ВНѢШНІЙ ПОВОДЪ КЪ МІРОВОЙ ВОЙНѢ

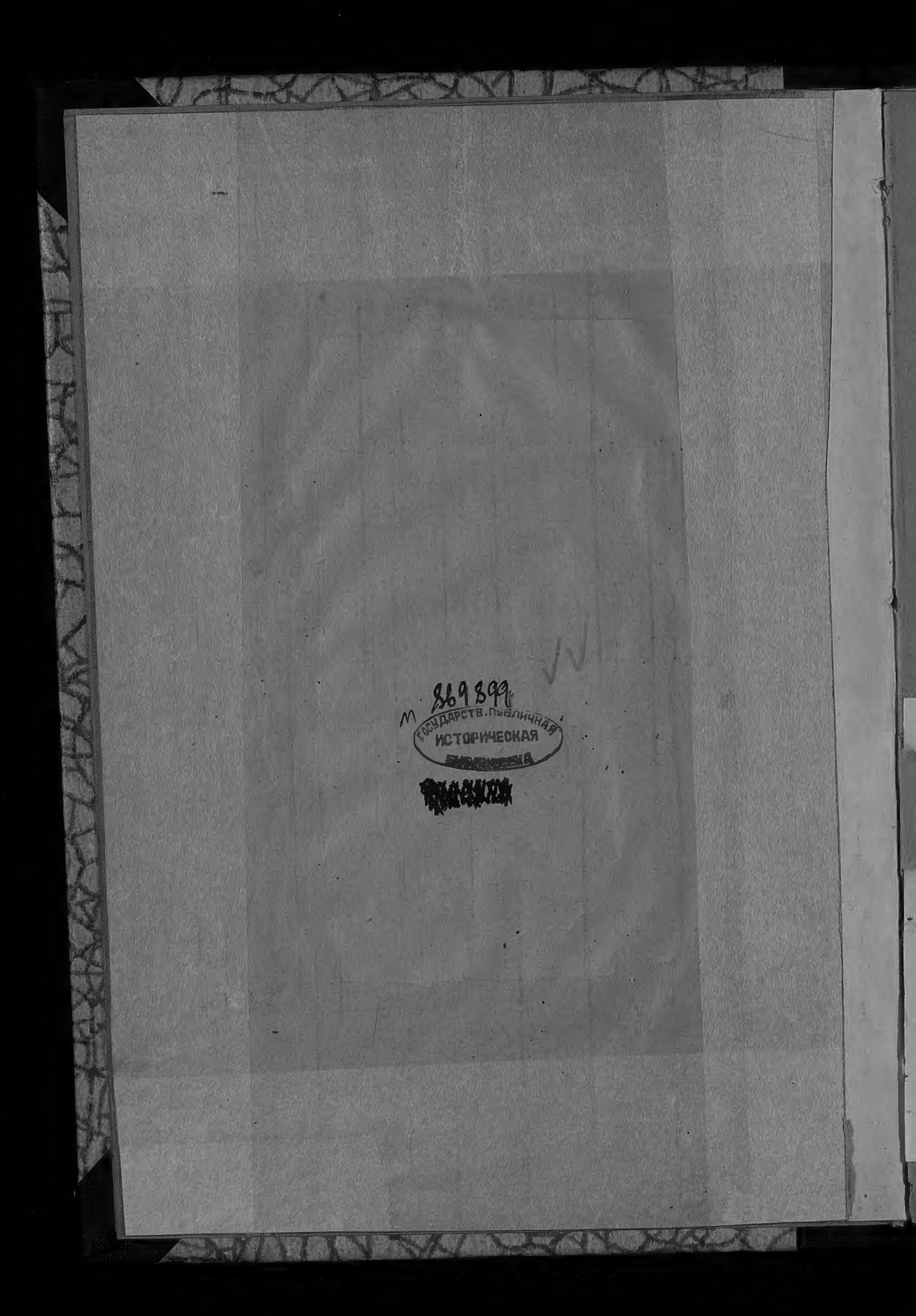

ВЕЛИКОСЕРБСКАЯ ИДЕЯ

КАКЪ

ВНѢШНІЙ ПОВОДЪ
КЪ МІРОВОЙ ВОЙНѢ

М 869899
ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
[redacted]

I.

Великосербская идея и убійство въ Сараевѣ.

Внѣшній поводъ къ европейской войнѣ дала Сербія, — страна, не смотря на свою небольшую сравнительно величину, съ давнихъ поръ служившая для Австро-Венгріи источникомъ постоянныхъ непріятностей и треній.

Вмѣшательство Австро-Венгріи послѣ битвы при Сливницѣ, чѣмъ она спасла Сербію (1885 г.), между тѣмъ какъ Россія и пальцемъ не пошевельнула для своего будущаго протежэ, теперь кажется какой то сказкой. Что именно побудило тогда Австро-Венгрію спасти отъ гибели Сербію, ставшую впослѣдствіи ея опаснымъ врагомъ, невозможно установить съ абсолютной достовѣрнос[illegible] Вѣроятно, Австро-Венгрія, страдавшая въ то вр[illegible]обенно сильно отъ національныхъ треній населяющихъ ее народностей, имѣла въ виду жить въ добромъ сосѣдствѣ съ Сербіей, можетъ быть, даже заключить съ ней дружественный союзъ, чтобы такимъ образомъ установить хорошія отношенія съ славянскими народами Габсбургской монархіи и сгладить возникшія разногласія. Случилось иначе. Нѣсколько лѣтъ послѣ битвы при Сливницѣ король Миланъ долженъ былъ отречься отъ сербскаго престола (1889 г.). Въ то время какъ онъ искалъ и находилъ въ Австро-Венгріи поддержку и сочувствіе, его сынъ и преемникъ Александръ склонялся къ панславистскимъ тенденціямъ своей страны. Въ его правленіе — если вообще можно говорить о его правленіи, такъ какъ умственно и нравственно убогій Александръ мало интересовался государственными дѣлами, — русское вліяніе быстро возрастало въ Сербіи. Памятная всѣмъ женитьба короля на пресловутой Драгѣ Машиной окончательно подорвала его положеніе въ глазахъ народа. Въ 1903 году онъ палъ вмѣстѣ съ королевой жертвой

заговора. Ненависть сербовъ къ королевской четѣ вылилась въ дикой жестокости: послѣ того, какъ часовые были сражены, заговорщики проникли въ опочивальню, король и королева были убиты, трупы убитыхъ изуродованы безчисленными сабельными ударами и выброшены изъ окна дворца. Виновниками убійства явились сербскіе офицеры, но не безъ основаній полагали, что зачинщикомъ былъ преемникъ убитаго Александра Петръ Карагеоргіевичъ, который тогда жилъ какъ частное лицо въ Женевѣ. По крайней мѣрѣ такой смыслъ случившемуся придавало общественное мнѣніе всей Европы, и Англія, находя нужнымъ учитывать это предположеніе, не признала Петра королемъ Сербіи. Только впослѣдствіи, Англія, послѣдней изъ великихъ державъ, рѣшилась на это признаніе. Въ лицѣ Карагеоргіевича старый кандидатъ Россіи вступилъ на престолъ Сербіи. Программой, которая была предписана Россіей новому королю Сербіи, явилось объявленіе политической войны Австро-Венгріи. Съ этихъ поръ въ Сербіи пріобрѣтаетъ преобладающее значеніе та политика, которая потомъ стала извѣстной подъ названіемъ Великосербской. Началась сильная пропаганда въ Босніи среди сербскаго населенія съ цѣлью побудить его примкнуть къ Сербіи, а среди мусульманскаго населенія Босніи и Герцеговины съ цѣлью вызвать недовольство и безпорядки. Какъ въ Босніи, такъ и въ Кроаціи среди тамошнихъ сербовъ и дружественной сербамъ части населенія должна была вестись та же анти-австрійская пропаганда. Въ экономическомъ отношеніи Сербія также старалась освободиться отъ Австро-Венгріи, для чего она вступила въ торговыя сношенія съ Франціей, Россіей и Италіей.

Великосербская идея соединилась затѣмъ съ идеей Балканскаго Союза, направленной въ такой же степени противъ Австро-Венгріи, какъ и противъ Турціи, и надъ всѣмъ виталъ духъ панславизма. Уже при королѣ Миланѣ будущій министръ-президентъ Пашичъ пробовалъ создать балканскій союзъ съ лозунгомъ „Балканы для Балканцевъ", но тщетно, такъ какъ державшійся за Австро-Венгрію король Миланъ предвидѣлъ въ этомъ гибель Сербіи. Такъ называемое младо-турецкое движеніе, которое было направлено къ устраненію абсолютизма въ Турціи и къ введенію современно-европейскаго государственнаго устройства съ признаніемъ правъ

всѣхъ національностей, положило конецъ правленію Абдулъ Гамида. Въ Англіи, Россіи и Франціи этотъ переворотъ былъ встрѣченъ съ радостью и надеждой, ибо Абдулъ Гамидъ слылъ другомъ Германіи. Поборники нео-славянской идеи и идеи Балканскаго Союза воспользовались младо-турецкимъ движеніемъ съ цѣлью слить воедино эти въ основѣ различныя теченія.

Великосербская пропаганда вспыхнула съ небывалой до того времени силой, и сербскіе происки въ Босніи и Герцеговинѣ стали принимать для двуединой монархіи все болѣе опасную форму.

По Берлинскому договору 1878-го года, эти провинціи были предоставлены Австро-Венгріи, какъ оккупированныя области. 30 лѣтъ управляла Австро-Венгрія этими областями, создала въ нихъ порядокъ и культурныя условія жизни, такъ что эти провинціи въ дѣйствительности сдѣлались собственностью двуединой монархіи. Въ виду турецкой революціи, а, главное, въ виду сопровождавшихъ ее явленій и все болѣе разроставшихся великосербскихъ козней, Австрія рѣшилась присоединить къ себѣ въ государственномъ отношеніи находящіяся подъ ея покровительствомъ и управленіемъ провинціи. Она произвела анексію Босніи и Герцеговины. Это была мѣра, которая уничтожила, конечно, только формальныя отношенія, но она нанесла велико-сербско-панславистскимъ вожделѣніямъ сильный ударъ. Уже тогда сербы взывали къ войнѣ, но Россія, ослабленная послѣдствіями русско-японской войны и революціей, уклонилась отъ вооруженнаго столкновенія, послѣ того какъ она ясно поняла, что въ серьезномъ случаѣ Германія станетъ также на сторону Австріи.

Однако, велико-сербское движеніе не заглохло; — напротивъ, въ 1912-мъ году небольшія балканскія государства образовали давно желанный Балканскій союзъ, который имѣлъ два фронта, два острія, направленныхъ одно на Турцію, другое на Австрію. Осенью 1912 года вспыхнула война противъ Турціи; но прежде чѣмъ балканская федерація могла обратиться противъ другой стороны, т. е. противъ австрійцевъ, она распалась вслѣдствіе несолидарности балканскихъ народовъ между собой. Въ созданіи балканскаго союза главную роль сыгралъ русскій посланникъ въ Бѣлградѣ, Гартвигъ. Такимъ образомъ опасность европейской войны въ 1912-мъ году

опять стояла на порогѣ и была предотвращена благодаря преждевременному распаденію Балканскаго союза. Къ сожалѣнію, великая европейская война, которая угрожала послѣ балканскаго кризиса, была только отложена, но не окончательно предотвращена. Маленькая Сербія послѣ второй балканской войны значительно увеличилась за счетъ Болгаріи; сербское самосознаніе и панславистское движеніе послѣ этой войны сугубо возросли.

Убійство въ Сараевѣ — кульминаціонный пунктъ великосербской пропаганды. Это политическое злодѣяніе явилось роковымъ слѣдствіемъ подкопа подъ существованіе двуединой монархіи. Уже менѣе значительнаго происшествія, чѣмъ это убійство, было бы достаточно, чтобы вызвать разрывъ австро-сербскихъ отношеній. И все-таки это мрачное дѣло не явилось настоящей причиной европейской войны, даже не явилось ея поводомъ, оно только дало толчекъ, который пустилъ въ ходъ колесо.

Но даже изъ года въ годъ обострявшіяся австро-сербскія отношенія не были дѣйствительнымъ источникомъ великой войны, а всего только искусственно созданной причиной, желаннымъ предлогомъ. Ибо прежде всего непонятно, почему война должна была распространиться на всю Европу, а не ограничилась Австріей и Сербіей. Здѣсь, слѣдовательно, приходится различать три различные стимула: въ цареубійствѣ въ Сараевѣ — внѣшній толчекъ, въ австро-сербскомъ столкновеніи — искусственно созданный поводъ, и, наконецъ, въ соревнованіи двухъ могущественныхъ европейскихъ коалицій — дѣйствительную причину европейской войны. Только разслѣдованіе мотивовъ этого соревнованія можно назвать изученіемъ дѣйствительной причины европейской войны. Для этого мы должны прослѣдить ходъ историческихъ событій и постараться отыскать тѣ мотивы, которые въ концѣ концовъ способствовали, съ одной стороны, соединенію въ коалиціи самыхъ разнохарактерныхъ державъ, съ другой стороны — открытой враждѣ между этими коалиціями.

Документы дипломатическихъ книгъ ставятъ насъ передъ совершившимся фактомъ конфликта обѣихъ группъ европейскихъ державъ. Поэтому изслѣдованія однихъ дипломатическихъ книгъ недостаточно для глубокаго пониманія исторіи развитія этой вражды. И все таки изученіе дипломатическихъ книгъ цѣнно, потому что

между болѣе или менѣе внѣшними факторами и внутренними причинами войны существуетъ тѣсная зависимость, исключающая всякую случайность событій. (Популярно это можно представить приблизительно такъ. Предположимъ, что кто-то обдумываетъ планъ какого-то дѣла, которое онъ гдѣ-то когда-то хочетъ совершить, если обстоятельства окажутся благопріятными. Тогда о случайности поступка не можетъ быть рѣчи, особенно, если относительно этого человѣка можно доказать, что онъ давно уже строилъ планы въ опредѣленномъ направленіи и воспользовался только благопріятнымъ моментомъ для осуществленія своихъ плановъ и при томъ, если онъ самъ способствовалъ приближенію кажущагося ему благопріятнымъ момента.)

28-го іюня 1914 г. наслѣдникъ Эрцгерцогъ Францъ Фердинандъ и его супруга, во время инспекторской поѣздки, были убиты въ Сараевѣ. Слѣды возмутившаго весь міръ преступленія вели сначала въ Бѣлградъ. Австро-венгерское правительство опубликовало результатъ разслѣдованія убійства въ Сараевѣ (приложеніе къ Красной книгѣ № 7, см. добавлен. стр. 247) и ни Сербіей, ни кѣмъ либо другимъ данныя этого слѣдствія никогда не оспаривались.

Убійство въ Сараевѣ было совершено не анархистами, случайно оказавшимися сербской національности, но явилось дѣтищемъ великосербской пропаганды. Между тѣмъ, какъ весь цивилизованный міръ находилъ для этого дѣла только слова осужденія и проклятія, во всей Сербіи оно вызвало удовлетвореніе и радость, ибо тамъ надѣялись, что въ непродолжительномъ времени случится давно желанное отпаденіе отъ Австріи областей, населенныхъ южными славянами. Сербскія газеты, и не только шовинистскія, ежедневно въ статьяхъ своихъ обсуждали безсиліе и распадъ сосѣдней монархіи. Ни одинъ правительственный органъ не пошевельнулся, чтобы положить предѣлъ этой брани (Красная книга № 6). Это отношеніе сербской прессы усилило въ Вѣнѣ само по себѣ справедливое неудовольствіе, такъ что даже сербскій посланникъ въ Вѣнѣ Іовановичъ счелъ нужнымъ предостеречь сербскую прессу. Онъ говоритъ: „Надо съ вселичайшимъ вниманіемъ слѣдить за языкомъ сообщеній нашихъ газетъ касательно происшествій въ Сараевѣ. Возбужденіе противъ Сербіи въ военныхъ и политическихъ

кругахъ продолжаетъ непрестанно усиливаться, вслѣдствіе нашихъ газетныхъ статей, которыя ревностно используются австро-венгерскимъ посольствомъ въ Бѣлградѣ." (Сербская Синяя книга № 2 и № 15). Всѣ австрійскіе представители въ Сербіи сообщали единогласно, что извѣстіе объ убійствѣ эрцгерцога вызвало тамъ сенсацію и радость, часто совершенно нескрываемую, которая нерѣдко проявлялась въ грубой формѣ, главнымъ образомъ, въ такъ называемыхъ княжескихъ кругахъ, среди интеллигенціи, политическихъ дѣятелей, учителей, чиновниковъ, офицеровъ и студенчества. По сообщенію очевидца, люди отъ радости бросались другъ другу въ объятья (Красная книга 3, 5).

Сербская полиція тоже не считала нужнымъ принять какія либо мѣры, чтобы прослѣдить нить преступленія, которая вела въ Сербію. На запросъ австро-венгерскаго посланника въ Бѣлградѣ касательно этого, генеральный секретарь министерства иностранныхъ дѣлъ отвѣтилъ, что сербская полиція пока вообще не занималась этимъ дѣломъ (Красная книга № 2). Надо согласиться, что такое отношеніе сербскаго народа, прессы и, главнымъ образомъ, правительства Сербіи должно было чувствоваться въ Австріи какъ провокація, если даже допустить, что злодѣяніе въ Сараевѣ не имѣло прямой связи съ великосербской пропагандой. Сербское правительство совершенно не считало себя обязаннымъ предпринять что либо, чтобы удерживать вышеописанное выраженіе чувствъ народа. Сазоновъ свалилъ вину съ больной головы на здоровую. Онъ выразилъ свое удивленіе, что австро-венгерское правительство не приняло мѣръ, дабы пресѣчь агитацію вѣнской прессы, которая имѣла серіозныя причины къ негодованію, тогда какъ онъ не нашелъ ни слова осужденія сербскому правительству, которое не дѣлало никакихъ представленій своей прессѣ по поводу ея вызывающаго тона (сербская Синяя книга № 29). Отношеніе русскаго дипломата во время европейскаго конфликта характеризуется занятой имъ съ самаго начала твердой позиціей, и могло на Сербію дѣйствовать только ободряюще, тѣмъ болѣе, что онъ 4-го іюля заявилъ, что, по его мнѣнію, симпатіи Европы, большей частью, будутъ на сторонѣ Сербіи, и міръ не повѣритъ обвиненію, которое Австрія бросаетъ Сербіи (сербская Синяя книга № 14).

Положеніе вещей было таково, что Австро-Венгрія внѣ всякаго сомнѣнія должна была обратиться къ Сербіи съ энергичной нотой, чтобы получить гарантіи, что разъ навсегда будетъ исключено повтореніе событій, которыя угрожали двуединой монархіи со стороны Сербіи и подрывали престижъ ея, какъ великой державы. Не могло быть также никакого сомнѣнія относительно приблизительнаго содержанія ноты и рода австрійскихъ требованій, которыя, естественно, должны были касаться разслѣдованія злодѣянія и предоставленія нѣкоторыхъ гарантій въ подавленіи направленнаго противъ Австріи движенія. Весьма важно замѣтить, что о такихъ требованіяхъ французскій посланникъ въ Вѣнѣ сообщаетъ уже 22-го іюля и высказываетъ свое мнѣніе, что они являются пріемлемыми для достоинства Сербіи (Желтая книга № 18). Съ еще болѣе точными информаціями выступаетъ 21-го іюля французскій посланникъ въ Берлинѣ Жюль Камбонъ. Въ Желтой книгѣ № 15 онъ докладываетъ своему правительству буквально слѣдующее: „Я узналъ, что сербскій представитель въ Берлинѣ сдѣлалъ шаги въ Вильгельмштрасе, дабы сообщить, что его правительство готово принять представленія Австріи, вызванныя покушеніемъ въ Сараевѣ, въ томъ случаѣ, если Австрія потребуетъ только юридическаго сотрудничества при подавленіи и недопущеніи будущихъ политическихъ покушеній, но ему поручено обратить вниманіе германскаго правительства на то, что попытка повредить такимъ разслѣдованіемъ престижу Сербіи опасна". Здѣсь въ принципѣ уже признано юридическое сотрудничество Австро-Венгріи, которое въ дѣйствительности и составляло главный пунктъ австрійскихъ требованій. Тѣмъ болѣе вызываетъ удивленіе послѣдовавшій за тѣмъ категорическій отказъ Сербіи удовлетворить эти требованія, и едва ли будетъ ошибочно утверждать, что Сербію заднимъ числомъ побудила къ этому отказу, главнымъ образомъ, Россія. Изъ доклада Дюшена и особенно изъ доклада Камбона можно вывести заключеніе, что европейскими дипломатами въ теченіе всего іюля обсуждалось содержаніе проекта австрійской ноты, а этотъ выводъ находится въ противорѣчіи съ послѣдующимъ французскимъ утвержденіемъ, будто бы австро-венгерская нота является неожиданностью. Постоянно дѣлается упрекъ

германскому правительству, что оно знало австрійскій ультиматумъ, между тѣмъ какъ всѣ другія державы о немъ будто-бы ничего не знали. Въ качествѣ доказательства этого проф. Дюркхемъ и Дени въ ихъ книгѣ „Кто хотѣлъ войны?“ приводятъ нѣсколько выписокъ изъ предисловія къ „Бѣлой книгѣ“ и пишутъ: „мы имѣемъ, впрочемъ, признаніе самого германскаго правительства“. Въ предисловіи къ Бѣлой книгѣ оффиціальный авторъ ея, обрисовавъ положеніе Австріи послѣ убійства въ Сараевѣ, пишетъ: „При этихъ обстоятельствахъ Австрія должна была сказать себѣ, что дальнѣйшее бездѣятельное созерцаніе творящагося по ту сторону границы, несовмѣстимо ни съ достоинствомъ, ни съ самосохраненіемъ монархіи. Императорское и королевское правительство увѣдомило насъ о такой оцѣнкѣ положенія и испрашивало нашего мнѣнія. Отъ всего сердца мы могли согласиться съ нашимъ союзникомъ, съ его оцѣнкой своего положенія и увѣрить его, что выступленіе, которое онъ считаетъ необходимымъ для ликвидаціи направленнаго противъ существованія австрійской монархіи сербскаго движенія, встрѣтитъ наше одобреніе. Мы при этомъ вполнѣ сознавали, что могущее произойти военное выступленіе Австро-Венгріи можетъ вызвать на арену Россію и этимъ вовлечь насъ въ войну, согласно нашему обязательству по отношенію къ союзнику. . . . — Поэтому мы предоставили Австріи полную свободу дѣйствій противъ Сербіи. Мы не принимали участія въ подготовленіи этихъ дѣйствій“.

„Здѣсь заключается“, продолжаютъ авторы ‚Кто хотѣлъ войны?“ „признаніе, что Германіи былъ извѣстенъ, если не дословно самый ультиматумъ, то, по крайней мѣрѣ, духъ его и содержаніе въ общихъ чертахъ.“ Авторы даже допускаютъ возможность, что Германіи точная редакція австрійской ноты не была извѣстна. Здѣсь ломятся въ открытыя двери: ибо, если Германіи не была извѣстна редакція ноты въ деталяхъ, то она не могла знать напередъ точнаго содержанія самой ноты.

Гораздо важнѣе, однако, обратить вниманіе на то, что не только приблизительное содержаніе ноты стало извѣстнымъ благодаря освѣдомленности объ общемъ положеніи вещей, но что эта, въ общихъ чертахъ извѣстная, нота уже въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль

служила основаніемъ многочисленныхъ дипломатическихъ переговоровъ представителей всѣхъ заинтересованныхъ державъ. Точное доказательство этого даетъ намъ не только австрійская Красная книга, которой со стороны противниковъ ея можетъ быть сдѣланъ упрекъ въ пристрастности, но преимущественно дипломатическія книги самихъ державъ согласія. Такъ, въ уже упомянутой Желтой книгѣ № 18 французскій посланникъ въ Вѣнѣ сообщаетъ своему правительству: „Во всякомъ случаѣ думаютъ, что шагъ въ Бѣлградѣ будетъ сдѣланъ на этой недѣлѣ. Австро-венгерскія требованія, относящіяся къ наказанію злодѣянія и касающіяся извѣстныхъ гарантій относительно полиціи и охраны, кажутся для достоинства Сербіи пріемлемыми". Заслуживаетъ вниманія, что представителю Франціи извѣстныя гарантіи, при сотрудничествѣ австрійскихъ и сербскихъ полицейскихъ органовъ, кажутся для достоинства Сербіи пріемлемыми. Здѣсь французскій посолъ въ Вѣнѣ оказывается вполнѣ хорошо освѣдомленнымъ. Ему извѣстенъ не только точный срокъ передачи ноты, но онъ даетъ также свѣдѣнія о ея содержаніи. Уже 4-го іюля французскій уполномоченный членъ дипломатическаго корпуса въ Берлинѣ, де Монневиль, сообщаетъ своему правительству: „Помощникъ государственнаго секретаря при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ сказалъ мнѣ вчера и повторилъ мнѣ сегодня, что онъ надѣется на согласіе Сербіи принять требованія, которыя въ данномъ случаѣ можетъ предъявить Австрія, чтобы найти и подвергнуть преслѣдованію участниковъ преступленія въ Сараевѣ". (Желтая книга № 9.) Съ такимъ же правомъ или вѣрнѣе съ такой же логикой авторы брошюры ‚Кто хотѣлъ войны' могутъ утверждать, что помощникъ государственнаго секретаря при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ Циммерманъ зналъ уже 4-го іюля содержаніе австрійской ноты, такъ какъ здѣсь уже ближе намѣчаются предстоящія требованія, направленныя къ тому, чтобы „можно было найти и преслѣдовать соучастниковъ преступленія, совершеннаго въ Сараевѣ". Въ такомъ случаѣ помощникъ секретаря долженъ былъ бы знать текстъ и содержаніе ноты, которая къ тому времени еще не была даже составлена. Мы думаемъ, что послѣ вышеизложеннаго будетъ лишнимъ подробнѣе разсматривать утвержденіе, будто баварскій министръ-

президентъ, согласно докладу французскаго посла въ Мюнхенѣ отъ 23-го іюля, т. е. наканунѣ передачи австрійской ноты, зналъ ее. Баварскому министру-президенту такъ же мало былъ извѣстенъ текстъ ноты, какъ и германскому правительству, содержаніе же ноты, какъ мы видѣли, было ясно для каждаго дипломата. Послѣ всего случившагося и послѣ продолжавшихся недѣлями совѣщаній и обмѣна нотами европейскихъ кабинетовъ по этому вопросу было очевидно, что Австрія должна была выступить рѣшительно и энергично, и что полумѣры съ ея стороны въ Сербіи могли бы подорвать престижъ Австро-Венгріи и пошатнуть положеніе ея въ Европѣ.

Между тѣмъ какъ въ Англіи въ началѣ, по крайней мѣрѣ, съ негодованіемъ высказывались объ убійствѣ въ Сараевѣ и выражали свои симпатіи къ Австріи, и даже Франція находила слова отвращенія передъ преступленіемъ, ожидавшимъ возмездія, или съ молчаливымъ достоинствомъ не становилась ни на ту ни на другую сторону, русское правительство съ самаго начала заступилось за Сербію и этимъ давало сознательно все новую пищу великосербской идеѣ. Сазоновъ оставался послѣдовательнымъ съ перваго до послѣдняго дня на своей анти-австрійской позиціи.

Въ связи съ этимъ надо констатировать слѣдующую неправду, которая напечатана въ книгѣ ‚J'accuse' на стр. 292: „Сначала правительства Англіи, Франціи и Россіи не останавливались передъ выраженіемъ симпатіи Австріи и сочувствія къ ея требованіямъ справедливаго удовлетворенія". Эти слова автора ‚J'accuse', согласно которымъ Россія не ограничивалась выраженіемъ симпатій къ Австріи и также признавала ея право на „справедливое требованіе удовлетворенія" пусть будутъ здѣсь переданы безъ комментаріевъ. Ибо полная несостоятельность этого утвержденія будетъ все яснѣе доказываться по мѣрѣ реальнаго разбора историческихъ документовъ. И еще одно поразительное противорѣчіе заключается въ этихъ словахъ. Авторъ ‚J'accuse' хочетъ доказать, что австрійскія требованія являются ничѣмъ не оправданными, а въ продолженіе своихъ дальнѣйшихъ выводовъ, противорѣча только что приведенному имъ же признанію „справедливости требованія удовлетворенія", отказываетъ Австріи въ этомъ правѣ. Ибо на-

всѣхъ остальныхъ страницахъ своей книги онъ не находитъ достаточно суровыхъ словъ, говоря объ Австріи, тогда какъ онъ тепло относится ко всѣмъ выраженнымъ Россiей анти-австрійскимъ тенденціямъ, безразлично, имѣли ли они мѣсто до или послѣ предъявленія ультиматума. И все же намѣреніе слишкомъ очевидно: при помощи вдвойнѣ противорѣчиваго утвержденія надо было затушевать съ самаго начала выявившееся воинственное настореніе русскаго правительства, для котораго крайнее обостреніе австросербскихъ отношеній представлялось желаннымъ предлогомъ инсценированія австро-русскаго конфликта. Ибо Россія въ лицѣ руководитеней ея политикой полагала, что часъ осуществленія ея панславистскихъ идеаловъ наступилъ. Точное доказательство этого тезиса будетъ приведено въ послѣдующемъ.

II.

Австрійская нота Сербіи.

23-го (10-го) іюля 1914 года, въ 6 часовъ вечера, австро-венгерскій посланникъ въ Бѣлградѣ вручилъ сербкому министру-президенту давно ожидаемую ноту, имѣвшую міровое историческое значеніе. Русскій уполномоченный въ Бѣлградѣ Штрандманъ объ этомъ пишетъ Сазонову слѣдующее: „Пачу (сербскій министръ финансовъ, исполнявшій должность отсутствующаго министра иностранныхъ дѣлъ Пашича), который сообщилъ мнѣ содержаніе ноты, проситъ помощи Россіи и заявляетъ, что ни одно сербское правительство не приметъ ноты Австро-Венгріи. Странно, что исполняющій должность министра Пачу, едва ознакомившись съ нотой, назвалъ ее непріемлемой, не посовѣтовавшись сначала съ министромъ президентомъ, и даже сдѣлалъ это заявленіе оффиціально уполномоченному Россіи, прося помощи Россіи.

Напрашивается отсюда выводъ, что отвѣтъ былъ уже заранѣе предрѣшенъ, хотя это прямо противорѣчитъ заявленіямъ, сдѣланнымъ сербскими дипломатами въ Берлинѣ и Вѣнѣ въ предыдущій день. Такъ, сербскій посолъ въ Вѣнѣ заявилъ, что требованія Австро-Венгріи, касавшіяся нѣкоторыхъ гарантій помощи и охраны, соотвѣтствуютъ достоинству Сербіи, какъ независимаго государства. Съ другой стороны, представитель Сербіи въ Берлинѣ высказалъ готовность принять требованія Австро-Венгріи, вызванныя покушеніемъ въ Сараевѣ, въ томъ случаѣ, когда Австро-Венгрія потребуетъ только юридическаго содѣйствія. Но лишь въ послѣднюю минуту, и, какъ видно изъ указанныхъ дѣйствій Пачу, до времени врученія ноты, русское правительство дало сербскому опредѣленныя руководящія указанія, которыя

повлекли совершенно неожиданное отклоненіе этого спорнаго пункта австро-венгерской ноты, что и послужило поводомъ Европейской войны.

Сербское правительство указывало на то, что вмѣшательство австро-венгерскихъ органовъ въ предварительное судебное слѣдствіе не могло быть имъ принято, какъ противорѣчащее конституціи и уложенію о наказаніяхъ. Между Австро-Венгріей и Сербіей возникъ споръ, по поводу того, что Австро-Венгрія понимаетъ подъ вмѣшательствомъ своихъ правительственныхъ органовъ. Подразумѣвалось ли подъ этимъ recherches de police (полицейское дознаніе) или enquêtes judicaires (судебное слѣдствіе)? По мнѣнію французскихъ профессоровъ Duerkheim'a и Dénis'a, единственный спорный вопросъ заключался въ вмѣшательствѣ австро-венгерскихъ чиновниковъ. Но развѣ не было возможности разрѣшить этотъ вопросъ мирнымъ путемъ, такъ какъ онъ возникъ только отъ того, что Сербія неправильно замѣнила слово „дознаніе“ (recherches) словами „судебное слѣдствіе“ (enquêtes), что могло произойти и по ошибкѣ. Возможность для мирнаго соглашенія была дана: Австро-Венгрія не объявила немедленно войны, но лишь отозвала своего посла и приняла выжидательное положеніе.

Что же было сдѣлано съ другой стороны, со стороны Франціи, Россіи и Англіи, чтобы предупредить этотъ опасный конфликтъ, уладить который, какъ видно изъ предыдущаго, было столь возможно? Были ли со стороны Петербурга и Парижа даны совѣты въ Бѣлградъ умѣрить свои требованія или же имѣло мѣсто обратное? — 16-го іюля президентъ Пуанкарэ, въ сопровожденіи министра иностранныхъ дѣлъ Вивіани, отправился на броненосцѣ „France“ въ Россію. Исполняющимъ должность министра иностранныхъ дѣлъ былъ назначенъ министръ юстиціи Bienvenu-Martin. Декларація австро-венгерскаго посла въ Парижѣ Сечени о сербской нотѣ произвела на министра юстиціи довольно сильное впечатлѣніе, но, при ближайшемъ разсмотрѣніи текста ноты, онъ согласился съ тѣмъ, что событія послѣднихъ дней и положеніе, занятое сербскимъ правительствомъ оправдываютъ энергичный образъ дѣйствій Австро-Венгріи. Министръ воздержался взять Сербію подъ свою защиту и выставить ея дѣйствія въ болѣе благопріятномъ освѣщеніи (Красная книга № 11). Bienvenu-Martin, значитъ,

былъ согласенъ съ точкой зрѣнія Австро-Венгріи. Правда, объ этомъ разговорѣ съ Сечени ничего не сказано въ французкой Желтой книгѣ. Нѣтъ основанія полагать, что австро-венгерскій посолъ выдумалъ весь свой обстоятельный докладъ о разговорѣ съ Bienvenu-Martin при врученіи ноты, скорѣе можно допустить, что Bienvenu-Martin въ своемъ докладѣ обходитъ молчаніемъ этотъ разговоръ. Изъ слѣдующаго номера Желтой книги мы узнаемъ, какое положеніе заняло въ отсутствіи министра министерство иностранныхъ дѣлъ въ Парижѣ въ австро-сербскомъ вопросѣ, а именно оно совѣтуетъ Сербіи „уклониться отъ непосредственныхъ сношеній съ Австро-Венгріей и выразить свое согласіе подчиниться приговору Европы“.

Положеніе, занятое Германіей въ этомъ вопросѣ, выясняется изъ слѣдующихъ строкъ „Бѣлой книги“: „на наши объясненія, что германское правительство желаетъ и стремится къ локализаціи конфликта, со стороны Англіи и Франціи было обѣщано содѣйствіе въ томъ же направленіи“. Съ австрійской стороны графъ Сечени заявляетъ, на основаніи телеграммы германскаго посла въ Парижѣ Шена къ Бертхольду: „Bienvenu-Martin сказалъ, что онъ не можетъ пока опредѣленно высказаться, но увѣряетъ, будто французское правительство того мнѣнія, что нашъ конфликтъ съ Сербіей касается только Бѣлграда и Вѣны и что въ Парижѣ надѣются на его мирное разрѣшеніе“. (Красная книга № 15.)

Между оффиціальнымъ заявленіемъ Германіи и Австріи не видно здѣсь противорѣчія, что замѣтно въ заявленіяхъ французскаго правительства, съ одной стороны, совѣтующаго Сербіи прекратить непосредственныя сношенія съ Австро-Венгріей, и съ другой стороны — высказывающаго желаніе локализировать конфликтъ. Высказывая свою симпатію Австро-Венгріи, Bienvenu-Martin, какъ будто, оправдывалъ дѣйствія Австро-Венгріи. На самомъ же дѣлѣ, это было лишь вѣжливой отговоркой съ цѣлью выиграть время.

Трудно установить въ точности на основаніи оффиціальныхъ документовъ, какое положеніе занялъ Пуанкарэ въ сербско-австрійскомъ конфликтѣ до своего прибытія въ Петроградъ. Можно допустить, что онъ въ то время вѣрилъ въ возможность мирнаго его разрѣшенія. Австрійскому послу Пуанкарэ сказалъ 4 іюля, что онъ

убѣжденъ въ томъ, что „сербское правительство окажетъ австрійскому возможное содѣйствіе во время судебнаго слѣдствія и при преслѣдованіи соучастниковъ. Отъ такого обязательства не можетъ отказаться ни одно государство". Слова эти доказываютъ, что онъ оправдывалъ положеніе, занятое австрійскимъ правительствомъ, если допустить, что они были сказаны безъ задней мысли. Противоположное положеніе въ этомъ вопросѣ занялъ Сазоновъ, который въ тотъ же день сказалъ сербскому послу въ Петроградѣ Спалайковичу: „Никто на свѣтѣ не повѣритъ обвиненіямъ, возводимымъ въ Вѣнѣ на Сербію". Подобно Пуанкарэ Bienvenu-Martin, исполнявшій должность Вивіани, придерживался выжидательной и даже оправдывающей положеніе Австро-Венгріи политики до пріѣзда президента въ Петроградъ. Во всякомъ случаѣ Пуанкарэ въ Петроградѣ былъ окончательно склоненъ занять анти-австрійскую позицію Сазонова, и съ этого момента мѣняется соотвѣтственно и положеніе Bienvenu-Martin. Неоднократно дѣлались попытки найти зависимость между временемъ отъѣзда Пуанкарэ въ Петроградъ и временемъ врученія ноты. Подозрѣвали, что правительство Австро-Венгріи выбрало нарочно время отсутствія Пуанкарэ для врученія ноты, чтобы использовать затруднительное положеніе французскаго правительства. Это подозрѣніе не основательно. Пуанкарэ могъ бы отложить свой отъѣздъ въ виду ожидаемаго врученія ноты. Важность этого событія для Франціи и французскихъ интересовъ вполнѣ оправдывала бы отсрочку отъѣзда, но отъѣздъ его состоялся несмотря на это и можетъ быть именно потому, что его присутствіе было необходимо въ Петроградѣ. Постараемся это предположеніе выяснить въ послѣдующемъ, освѣтивъ цѣль и политическій характеръ Петроградской его поѣздки, на основаніи оффиціально опубликованной дипломатической переписки между правительствами Англіи, Россіи и Франціи. Прежде всего установимъ, что возводимое на Австро-Венгрію подозрѣніе (Желтая книга № 25) не основательно. Вѣдь и императоръ Вильгельмъ находился въ то время въ обычномъ путешествіи въ Сѣверномъ морѣ, но эта поѣздка была предпринята имъ для отдыха, тогда какъ Пуанкарэ отправился въ Петроградъ на конференцію съ царемъ и Русскимъ правительствомъ.

Bienvenu-Martin, не ожидая дальнѣйшихъ информацій, тотъ-часъ же даетъ Сербіи совѣтъ „прекратить сношенія съ Австро-Венгріей". Принимая въ соображеніе политическое положеніе, это значитъ: „обратись сейчасъ-же въ Петроградъ, такъ какъ тамъ точка схожденія политическихъ интересовъ всего міра". Сербія, конечно, не нуждалась въ этомъ намекѣ, такъ какъ по собственному почину обратилась за помощью къ своему русскому протектору. Но все-таки этотъ намекъ характеренъ. Всѣ лучи Французской политики сходятся въ Петроградѣ, и сюда же пріѣзжаетъ Пуанкарэ. Все происшедшее затѣмъ между правительствами Франціи и Россіи въ Петроградѣ во время пребыванія тамъ Пуанкарэ ясно изложено въ приводимомъ ниже докладѣ сэра Бьюкенена, англійскаго посла въ Петроградѣ, англійскому правительственному секретарю по иностраннымъ дѣламъ сэру Эдуарду Грею (изъ Синей книги № 6).

Санктъ Петербургъ.

„Сегодня утромъ Сазоновъ сообщилъ мнѣ по телефону, что текстъ австрійскаго ультиматума имъ полученъ. Его Превосходительство присовокупилъ, что на отвѣтъ дано 48 часовъ и просилъ меня встрѣтиться съ нимъ во французскомъ посольствѣ, чтобы посовѣтоваться объ этомъ обстоятельствѣ, такъ какъ этотъ шагъ Австріи указываетъ на близость войны.

Министръ иностранныхъ дѣлъ назвалъ этотъ шагъ Австріи провокаторскимъ и аморальнымъ. Австрія не рѣшилась бы такъ поступить, если бы не заручилась заранѣе согласіемъ Германіи. Онъ надѣется, что правительство Его Величества незамедлительно выразитъ свою солидарность съ Россіей и Франціей.

Французскій посолъ далъ мнѣ понять, что Франція исполнитъ лежащія на ней, въ силу союза съ Россіей, обязательства, если бы въ этомъ наступила необходимость, и окажетъ свою поддержку во всѣхъ дипломатическихъ сношеніяхъ.

Я имъ сказалъ, что я Васъ по телеграфу извѣщу обо всемъ, что Его Превосходительство мнѣ сообщилъ. Я даже сказалъ, что, конечно, не могу говорить отъ имени правительства Его Величества, но лично не вижу причины ожидать отъ правительства Его Величества солидарности, въ формѣ безусловнаго обязательства силой оружія поддерживать Россію и Францію.

Я замѣтилъ, что непосредственно Англія не заинтересована въ Сербіи, и война ради этой страны не будетъ оправдана общественнымъ мнѣніемъ въ Англіи. На это Сазоновъ отвѣтилъ, что намъ не слѣдуетъ забывать отношенія этихъ событій къ Европейскому вопросу, часть котораго составляетъ сербскій, и что Великобританія не должна отказываться отъ содѣйствія въ рѣшеніи настоящихъ проблемъ.

На это замѣчаніе я отвѣтилъ, что изъ словъ его Превосходительства я заключаю о его желаніи, чтобы Великобританія присоединилась къ отправкѣ Австріи сообщенія въ смыслѣ указанія на недопустимость вмѣшательства ея во внутреннія дѣла Сербіи; но, продолжалъ я, если Австрія, тѣмъ не менѣе начнетъ военныя дѣйствія противъ Сербіи, несмотря на наши представленія, согласно ли русское правительство въ такомъ случаѣ немедленно объявить войну Австріи? Сазоновъ сказалъ, что, по его мнѣнію, мобилизація въ Россіи должна быть во всякомъ случаѣ произведена. Совѣтъ министровъ состоится сегодня вечеромъ для обсужденія всѣхъ обстоятельствъ. Слѣдующее засѣданіе совѣта состоится, вѣроятно, завтра подъ предсѣдательствомъ царя. На этомъ засѣданіи будетъ принято категорическое рѣшеніе. Я сказалъ, что наиболѣе важнымъ обстоятельствомъ кажется мнѣ заставить Австрію продолжить срокъ, и что слѣдуетъ на нее повліять прежде всего въ этомъ смыслѣ. Французскій посолъ думалъ однако, что Австрія или готова къ немедленному дѣйствію или что это блёфъ. Но, какъ бы то ни было, наша единственная надежда на возможность предупредить войну заключается въ принятіи непоколебимаго и рѣшительнаго положенія. На это я отвѣтилъ что желательно было бы знать, поскольку Сербія готова пойти навстрѣчу Австрійской нотѣ. Сазоновъ сказалъ, что объ этомъ пунктѣ онъ долженъ предварительно запросить мнѣнія своихъ коллегъ, но, безъ сомнѣнія, нѣкоторыя австрійскія требованія могутъ быть приняты Сербіей.

Далѣе французскій посолъ и Сазоновъ старались повліять на меня въ томъ смыслѣ, чтобы я объявилъ полную солидарность правительства Его Величества съ французскимъ и русскимъ правительствомъ, и я сказалъ по этому, что нахожу допустимымъ что вы, можетъ быть, будете согласны сдѣлать германскому и австрій-

скому правительствамъ серьезныя представленія, указавъ, что выступленіе Австріи противъ Сербіи можетъ стать опаснымъ для общеевропейскаго мира.

Можетъ быть Вы найдете пути довести до ихъ свѣдѣнія, что подобный образъ дѣйствій Австріи, вѣроятно, вызоветъ вмѣшательство Россіи, что, въ свою очередь, вовлечетъ въ войну Францію и Германію, и что Великобританіи будетъ трудно остаться нейтральной, когда война станетъ всеобщею. Сазоновъ отвѣтилъ, что мы будемъ рано или поздно вовлечены въ войну, если мы не будемъ съ самаго начала солидарны съ его страной и Франціей. Во всякомъ случаѣ онъ надѣется, что правительство Его Величества выскажетъ свое крайнее недовольство позиціей, занятой Австріей.

Президентъ Французской Республики и министръ-президентъ не могутъ возвратиться во Францію изъ Россіи раньше четырехъ или пяти дней. Создается также впечатлѣніе, что Австрія нарочно выбрала этотъ моментъ для врученія ультиматума.

Судя по словамъ французскаго посла, мнѣ кажется, что даже если мы откажемся присоединиться къ нимъ, Франція и Россія рѣшились занять твердую позицію.“

Державы Согласія допустили большую неосторожность при составленіи дипломатическихъ книгъ. Они редактировали оффиціальныя заявленія безъ предварительнаго соглашенія между собой, такимъ образомъ могло произойти, что одинъ изъ союзниковъ, противъ желанія своего, освѣщалъ вещи, которыя другой желалъ во что бы то ни стало скрыть. Примѣръ этого представляетъ вышеприведенный разговоръ изъ Синей книги, изданной англійскимъ правительствомъ, неудобный для другихъ союзниковъ. Объ этомъ разговорѣ умалчиваетъ русская Оранжевая книга. Англія, вопреки своему желанію, становится обвинителемъ своихъ союзниковъ. Изъ этого разговора, происходившаго во французскомъ посольствѣ, ясно слѣдуетъ, что Франція обѣщала свое содѣйствіе Россіи, во всякомъ случаѣ „французскій посолъ далъ понять англійскому, что Франція исполнитъ лежащія на ней въ силу союза съ Россіей обязательства, если бы въ этомъ наступила необходимость, и окажетъ свою поддержку во всѣхъ дипломатическихъ сношеніяхъ“. Значитъ Франція обѣщала не только дипломатическую поддержку, но и исполненіе всѣхъ обязательствъ, выте-

кающихъ изъ союза. Если сопоставить эти обѣщанія и въ добавокъ взаимное подчеркиванье солидарности со словами Сазонова о близости войны, то становится яснымъ, что Франція уже тогда обѣщала Россіи военную помощь. Не доставало только соотвѣтственнаго формальнаго заявленія со стороны французскаго правительства, которое было затребовано впослѣдствіи, 29 іюля, когда уже и содѣйствіе Англіи было обезпечено. Морально обязалась и связала себя Франція уже 24 іюля словами и поступками своего Петроградскаго представителя, который, конечно, дѣйствовалъ не самовольно и не безъ инструкцій. Это слѣдуетъ изъ каждаго слова, обвиняющаго Россію и еще больше Францію, письма Синей книги № 6. Россія и Франція дѣйствуютъ здѣсь сообща, и задача ихъ заключалась въ томъ, чтобы обезпечить за собой содѣйствіе Англіи, на что они могли разсчитывать. Обратимъ вниманіе на слѣдующія мѣста изъ вышеприведеннаго доклада англійскаго посла: „Сазоновъ надѣется, что правительство Его Величества (англійскаго короля) незамедлительно выразитъ свою солидарность съ Россіей и Франціей". — И далѣе: „французскій посолъ и Сазоновъ старались повліять на меня въ томъ смыслѣ, чтобы я объявилъ полную солидарность правительства Его Величества съ французскимъ и русскимъ правительствомъ, указавъ, что Англія будетъ рано или поздно вовлечена въ войну". И наконецъ, послѣднее предложеніе этого историческаго документа: „Судя по словамъ французскаго посла, мнѣ кажется, что даже если мы откажемся присоединиться къ нимъ, Франція и Россія рѣшились занять твердую позицію". Поэтому наше утвержденіе, что Франція и Россія разсчитывали на выступленіе Англіи, не будетъ преувеличеніемъ. Это вытекаетъ изъ словъ Сазонова, что „Англія рано или поздно будетъ вовлечена въ войну", а чтобы война началась, объ этомъ позаботились Франція и Россія, потому что, „по словамъ французскаго посла", кажется Бьюкенену, что „Франція и Россія рѣшились занять твердую позицію" даже въ томъ случаѣ, если бы Англія отказалась къ нимъ присоединиться. Во французской Желтой книгѣ имѣется множество документовъ, взятыхъ изъ англійской Синей книги, между прочимъ, и этотъ докладъ англійскаго посла въ Петроградѣ. Пропускъ послѣдней фразы

доклада свидѣтельствуетъ о недобросовѣстномъ отношеніи представителей французскаго правительства къ народу. Никто не можетъ предположить здѣсь наличность случайнаго пропуска. Французское правительство скорѣе имѣло достаточно вѣское основаніе при цитированіи Синей книги № 6 утаить это предложеніе. Отвѣтственные французскіе государственные дѣятели должны были опасаться обнаружить передъ народомъ свое участіе въ вызывающемъ положеніи, принятомъ Россіей. Нуждается ли принятіе такого положенія Франціей въ дальнѣйшихъ доказательствахъ? Франція и пальцемъ не пошевельнула, чтобы предупредить грозящую міровую катастрофу, сдѣлавъ, хотя бы, попытку успокаивающимъ образомъ повліять въ Петроградѣ, но, напротивъ, подливала масло въ огонь, чтобы раздуть уже вспыхнувшее пламя міровoго пожара. Гдѣ же то великое миролюбіе, которому поютъ гимны авторы книгъ ‚J'accuse' и ‚Кто хотѣлъ войны?'? Если желаніе Франціей войны достаточно ясно доказывается позиціей ея представителя въ Петроградѣ, то ея поведеніе кажется еще болѣе компрометирующимъ, если принять въ соображеніе, что указанное совѣщаніе пословъ состоялось не въ русскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, какъ можно было бы предположить, но во французскомъ посольствѣ въ Петроградѣ, куда былъ приглашенъ англійскій посолъ, чтобы быть обработаннымъ дипломатами Франціи и Россіи. Это доказываетъ, что между Россіей и Франціею было все до мельчайшей подробности переговорено, и было достигнуто такое единеніе по всѣмъ политическимъ вопросамъ, что не можетъ быть и рѣчи о самостоятельномъ рѣшеніи Франціи.

Гдѣ и когда состоялось это полное единеніе по всѣмъ политическимъ вопросамъ между Россіей и Франціей? Нетрудно найти правильный отвѣтъ на этотъ вопросъ. Незадолго передъ тѣмъ президентъ Пуанкарэ, въ сопровожденіи министра иностранныхъ дѣлъ Вивіани, оставилъ Петроградъ, чѣмъ и можно объяснить то обстоятельство, что Палеологъ, въ противоположность Бьюкенену, уже давно получилъ опредѣленныя инструкціи. Мы видимъ, какъ въ Петроградѣ подготовлялась почва для войны и какъ Сазоновъ съ помощью союзника смѣло велъ дѣло къ войнѣ, которая, по его же словамъ, была близка.

Что же происходитъ въ это время въ Парижѣ? Можетъ быть здѣсь была надежда на мирное разрѣшеніе конфликта, основанная на томъ, что министръ Bienvenu-Martin своимъ посредничествомъ окажетъ умиротворяющее дѣйствіе. Или онъ также передъ отъѣздомъ президента получилъ инструкцію дѣйствовать въ обратномъ смыслѣ? Онъ получилъ отъ французскаго посла въ Берлинѣ телеграмму слѣдующаго содержанія: „Врученіе австрійской ноты Сербіи произвело здѣсь сильное волненіе. Австрійскій посолъ заявляетъ, что его правительство ни въ чемъ не можетъ уступить. Дипломатія и печать того же мнѣнія. Большинство присутствующихъ въ Берлинѣ представителей посѣтило меня вчера вечеромъ. Они имѣютъ мало надежды на мирный исходъ" (Желтая книга № 27). „Только представитель Россіи", говорится далѣе въ телеграммѣ, „раздраженъ временемъ врученія австрійской ноты и склоненъ ко взгляду, что большая часть общественнаго мнѣнія Германіи желаетъ войны и хочетъ использовать этотъ случай". Временно исполняющій должность министра иностранныхъ дѣлъ поспѣшилъ телеграфировать представителямъ въ Стокгольмѣ, Бѣлградѣ, Лондонѣ, Петербургѣ и Римѣ: „нашъ посолъ въ Берлинѣ сообщаетъ о волненіи, вызванномъ австрійской нотой, и о мнѣніи русскаго уполномоченнаго, что большая часть общества въ Берлинѣ желаетъ войны. Тонъ прессы грозный и кажется имѣетъ цѣлью запугать Россію" — (Желтая книга № 27). Камбонъ сообщаетъ только, что пресса „того же мнѣнія", и это значитъ, что Германія того мнѣія, что ничего изъ требованій Австріи не можетъ быть урѣзано. Въ телеграммѣ Камбона нѣтъ ни одного слова о томъ, что тонъ германской прессы былъ „грознымъ", и еще менѣе о томъ, что онъ имѣлъ цѣлью запугать Россію. Тенденціозна была уже телеграмма Камбона, что большинство представителей имѣло мало надежды на мирный исходъ — многочисленныя мѣста изъ дипломатическихъ книгъ доказываютъ неосновательность этого — тѣмъ болѣе соотвѣтственная телеграмма Bienvenu-Martin, въ которой слова „мало надежды", допускавшейся даже Камбономъ, пропущены, за то сказано о „грозномъ тонѣ прессы", который долженъ былъ произвести во всемъ свѣтѣ и особенно въ Петроградѣ впечатлѣніе, не соотвѣт-

ствующее дѣйствительности и способствующее началу войны. Здѣсь очевидна несомнѣнная предвзятость. Можно было бы привести еще множество примѣровъ, какъ въ Желтой книгѣ создавалось „настроеніе“, но ограничимся здѣсь пока этимъ однимъ. Мы достаточно ясно видѣли, какъ во время отсутствія Пуанкарэ политика Bienvenu-Martin принимаетъ направленіе, въ точности совпадающее съ французской политикой въ Петроградѣ; того же направленія держалось и временное правительство въ Парижѣ. Французское правительство рѣшило, что настало время для реванша. Другое объясненіе немыслимо. —

Акц. Общ-во Издательство Украинской мысли въ Кіевѣ.

